

Содержание

Предисловие.....	7
------------------	---

1. Прогностические тексты

1.1. Приметы	13
1.1.1. Приметы по крику и поведению птиц	21
1.1.1.a. Приметы по поведению ворона	21
1.1.1.b. Приметы по крику сороки	26
1.1.2. Приметы по виду и поведению животных	30
1.1.3. Приметы по произвольному движению частей тела	39
1.1.4. Приметы по дням	41
1.1.4.a. Благоприятные и неблагоприятные дни	41
1.1.4.b. Дни местонахождения души <i>сунс</i>	42
1.1.4.c. Указание о [днях] подрезания ушей и кастрации скота	45
1.1.5. Прорицание по знакам на руке	47
1.1.6. Приметы по «месту» годов	57
1.1.7. Приметы по знакам судьбы <i>мэнгэ</i>	60
1.1.7.a. Толкование девяти знаков <i>мэнгэ</i>	61
1.1.7.b. Сочетание знаков <i>мэнгэ</i>	68
1.2. Сонники	69
1.2.1. Версия первая	78
1.2.1.a. Объяснение хороших и дурных снов	78
1.2.1.b. Сутра, называемая «Объяснение хороших и дурных снов»	81
1.2.2. Версия вторая	84
1.2.2.a. Писание, отвращающее дурные сны, которые происходят от тайных заклинаний	84

2. Гадания

2.1. Гадание на бараньей лопатке	93
2.1.1. Сочинение Сумбэ-хамбо	96
2.1.2. Монгольская рукопись тибетским письмом	100
2.1.3. «Глубокомудрая чуга»	108
2.1.4. «Книга о лопатке»	114
2.2. Гадание по виду камней	119
2.3. Гадание на камешках и бусинках четок	120
2.3.1. Сочинение о гадании на камешках	121
2.3.2. Сутра о гадании на четках	136
2.4. Гадание на кубиках	138
2.4.1. Кубик Гомбо	140
2.4.2. Кубок Мани	143
2.5. Гадание по знакам алфавита	149
2.6. Гадание по <i>дагиням</i>	151
2.7. Гадание по 12 знакам	153
2.7.1. Гадание по 12 годам	154
2.7.2. Гадание на 12 монетах	155
2.8. Гадание на 9 монетах	159
2.8.1. Гадание на 9 монетах Манджушри	160

2.8.2. Рукопись без титула.....	162
2.8.3. Гадание на карточках	164
2.9. Гадание на 5 монетах.....	166

3. Тексты защиты жизни

3.1. Народные способы лечения (<i>дбмы</i>).....	179
3.1.1. Лечение людей	185
3.1.2. Лечение людей и скота	189
3.1.3. Лечение скота.....	194
3.1.4. Лечение овец.....	196
3.2. Обереги	197
3.2.1. Талисманы, восходящие к даосским культам.....	198
3.2.2. Обереги на основе чисел и знаков санскритского и тибетского алфавитов.....	199
3.2.2.a. Сочинение Гомбоджаба.....	200
3.2.2.b. Ксилографическое издание <i>тарни</i> и оберегов.....	202
3.2.3. Обереги <i>сайиг</i>	204
3.2.4. Ключ Дара-эхэ.....	207
3.3. <i>Тарни</i> и моления.....	207
3.3.1. Заговоры от детского плача	209
3.3.1.a. <i>Тарни</i> против плача маленького ребенка	214
3.3.1.b. Обряд кругового обнесения водой.....	215
3.3.2. Заговор от нападения волков	218
3.3.3. <i>Тарни</i> против падежа скота	220
3.3.4. <i>Тарни</i> для очищения воды.....	221
3.3.5. Обряд против распрей.....	221
3.3.6. «Вознесение “Мани”»	222
3.3.6.a. «Хвала “Мани”».....	225
3.3.6.b. «Мани» внутри «Хвалы Арьябало»	227
3.3.6.c. «Вознесение “Мани”» в молитвах многим бурханам.....	229
3.3.6.d. «Вознесение “Мани”» внутри молений хутухтам и хубилганам. «Вознесение “Мани”» в молитве Хухэн-хутухте	238
3.3.6.e. «Мани» в «Молитве Трем благодетельным»	240
3.3.6.f. Поклонение учителю	241
3.3.6.g. Сочинения Дандзин-Равджи	244

4. Магия и новая власть

4.1. Песня-проклятие новой власти	249
4.2. Заклятие «шáха».....	250
4.2.a. Запрос Министерства юстиции	252
4.2.b. Ответ Правительства на запрос Министерства юстиции	253

Заключение	255
Источники и литература	262
Указатель имен божеств и названий буддийских сочинений	270
Указатель терминов, понятий и реалий.....	276

Приложения

Транслитерация текстов	285
Факсимиле текстов	381

Предисловие

Публикуемые в настоящем издании сочинения объединены не по жанровому принципу. Каждое из них имеет свои форму и содержание и относится к разным областям словесной традиции монголов. Они не входят в круг буддийской канонической и «околоканонической» литературы, не относятся к крупным формам историографии, т.е. к памятникам, ставшим центральными в изучении письменного наследия монголов. Общей чертой этих текстов является то, что они, во-первых, отражают повседневные практики монголов, во-вторых, принадлежат к северомонгольской (халхаской) традиции и, в-третьих, связаны с народной верой в чудесное. В силу чего, будучи собраны вместе, они обретают новый смысл — их совокупность отражает обыденную жизнь и представления народа Халхи до Народной революции 1921 г. (рубеж весьма условный).

История повседневности, интенсивно развивающаяся в европейской науке со второй половины прошлого века, не нашла заметного отражения в монголоведении, ей лишь время от времени уделялось место в рамках этнологического или источниковедческого дискурса. Между тем это направление социальной истории, представленное отдельно и по возможности комплексно, может помочь по-новому взглянуть на многие процессы, шедшие в Монголии. Оно охватывает всю сферу обыденной жизни монголов — быт и хозяйство, обряды жизненного цикла, обряды сезонные, повседневные религиозные практики, магические ритуалы. Источниковедческая база истории повседневности, как правило, имеет изъяны, так как материала, на основе которого можно воссоздать картину обыденной жизни того или иного народа, всегда недостаточно. Тем более эти лакуны очевидны в данном издании, включающем лишь письменные источники. Собрать тексты, которые в полном объеме отражали бы все стороны жизни населения Монголии, невозможно. Различные аспекты остались не запечатлены в письменном виде, многое утрачено.

Нельзя сказать, что подобные сочинения не попадали в поле зрения ученых. Изучение письменных источников на тибетском и монгольском языках является одним из главных исследовательских направлений, давших начало монголоведению и не прерывавшихся на протяжении двух столетий. За это время в научный оборот были введены тексты самых разных видов и жанров, однако они и сегодня далеко не исчерпаны — за рамками

публикаций осталось большое количество сочинений, в силу их недоступности или предполагаемой малозначительности. Именно введение в научный оборот текстов неизвестных или малоизвестных является целью данного издания.

Географические рамки исследования, определенные как Северная Монголия, или Халха, условны. Они говорят не о месте происхождения сочинений, а о месте их бытования. Истоки этих текстов, как мы увидим, весьма разнообразны, они могли быть созданы в разных районах Монголии или вообще за пределами монгольского мира, могли быть переводами или переложениями с разных языков. Однако их объединяет то, что они были выявлены в Халхе, и значит, бытовали именно у халхасцев. Таким образом, они отражают жизнь населения именно этой части Монголии.

Предметом исследования являются сочинения, связанные с так называемой бытовой, или народной, магией монголов, служившие основой для внецерковной, домашней практики. Повседневная жизнь монголов, как и любого другого народа, подчинена строгой регламентации, установленной правом и обычаями. Последние в немалой степени обусловлены представлениями о существовании трансцендентных сил, которые влияют на жизнь человека и даже управляют ею, а также о возможности распознавать их «сообщения» и воздействовать на эти силы с помощью магических манипуляций. Этому посвящен целый корпус текстов конца XVI — начала XX в., относящихся к обыденной сфере жизни человека и включающих руководства по приметам, гаданию о будущем и защите от несчастий. Такого рода «руководства» поделены в книге на четыре группы: 1) приметы и сонники; 2) гадания; 3) народные способы лечения *дбмы*¹, обереги и заклинания; 4) тексты, связанные с новой властью начала XX в. Это деление исходит из функциональной направленности обрядов и лежащих в их основе сочинений. Первая группа демонстрирует прогностические взгляды на основе внешних факторов (приметы; монг. *üjelge*); вторая — мантику, главной чертой которой является выбор по жребию (гадания; монг. *tölige*); третья — действия для защиты жизни (народные способы лечения, монг. *dom*; обереги, монг. *bu, vu*; заговоры и моления, монг. *tarni*); четвертая — магические манипуляции, связанные с новой властью. Несмотря на то что сами тексты разграничивают эти понятия и употребляют термины для их обозначения довольно определенно, в традиционном сознании они часто смешивались и рассматривались в качестве единого комплекса. Так, многие сборники текстов (например, «Нефритовая шкатулка», альманах из коллекции Р. Отгонбаатара), представленные в настоящем издании, помещают различные виды вместе, да и тексты зачастую содержат разнородные элементы (например, приметы и обереги).

¹ Здесь и далее термины, приведенные в указателе, даются курсивом.

Задача этой книги — познакомить читателя с сочинениями, которыми монголы пользовались в каждодневной практике. Естественно, многие тексты написаны на тибетском языке, так как, во-первых, часто они имели корни в тибетской литературе, а во-вторых, были в обиходе у монахов, знавших лишь тибетскую грамоту. Но значительная часть текстов была переведена на монгольский с тибетского и китайского языков (в последнем случае зачастую через маньчжурский), породив разнообразные монгольские варианты. В книгу включены преимущественно сочинения на монгольском языке, тибетские же помещены в том случае, если монгольские остались неизвестными или недоступными.

Определить время их составления бывает затруднительно. Авторство большинства из них установить практически невозможно. Дошедшие до нас списки относятся преимущественно к XIX — началу XX в., хотя очевидно, что сочинения имеют более раннее происхождение. Но есть и авторские произведения, создатели которых известны. Это касается в основном текстов о гадании и лечении — эти темы были близки тибетским и монгольским книжникам из ламского сословия.

Публикуемые сочинения отражают бытование магических обрядов и представлений среди монголов не в полном объеме. Особенностью данного издания является тот факт, что оно опирается на две коллекции старых монгольских рукописей и ксилографов из квартиры-музея академика Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе и из личного собрания его ученика Р. Отгонбаатара. Ц. Дамдинсурэн начал собирать монгольские книги в молодости и собирал их всю жизнь. Большую часть книг, полученных в дар, в результате покупки, обмена, целенаправленных розысков, он передал Национальной библиотеке Академии наук Монголии и библиотеке Института языка и литературы Академии наук Монголии. Однако книги, с которыми он работал или собирался работать, оставались у него дома. Первое его собрание было утрачено после ареста и конфискации имущества в 1938 г. Были потери и в последующие годы из-за краж и невозвращения пользователями. Однако в ходе многолетних усилий он сумел создать одну из лучших мировых коллекций манускриптов Монголии. Так, в настоящее время в музее-квартире Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе хранится более 1100 монгольских и около 2500 тибетских рукописей и ксилографов.

Интересы Р. Отгонбаатара, ученика Ц. Дамдинсурэна и научного сотрудника Института языка и литературы АН Монголии, несколько отличаются от пристрастий его учителя. Если Ц. Дамдинсурэна интересовала история литературы, то Р. Отгонбаатара — история книги. В его личной коллекции — образцы ксилографии, многочисленных письменностей Монголии, различные северомонгольские издания канонических книг, продукция печатен столичного монастыря Их-Хурэ, другого центра книгопечатания Халхи — Арвайхэрэ и проч.

Эти две коллекции содержат большой материал по тематике данного исследования, дающий представление о бытовании подобных текстов в Монголии, пусть не в абсолютной полноте, но в основных чертах.

При наличии нескольких рукописей одного сочинения для издания избран наиболее полный вариант, остальные используются для сравнения и описания. Конечно, при работе над книгой были рассмотрены рукописи и из других доступных собраний. Также привлекался фольклорный и этнографический материал. Краткое описание дается только для рукописей и ксилографов из коллекции Р. Отгонбаатара, так как рукописи из квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна атрибутированы в опубликованных каталогах коллекции [Билгүүдэй, Отгонбаатар, Цендина, 2018; Мөнх-Отгон, 2018].

Знаком (?) отмечены места, в прочтении и переводе которых автор не уверен. В отдельных случаях в круглых скобках приводятся предположительно правильные написания слов.

Как говорят восточные книжники, «автор просит мудрецов быть снисходительными к его глупости и невежеству и исправить все его ошибки».

1. ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ



Письменных памятников, относящихся к добуддийской и «доманьчжурской» эпохе, по которым мы могли бы ознакомиться с представлениями монголов того времени о приметах, мало. Это «Сокровенное сказание», сочинение Рашид-ад-Дина, записки Марко Поло, Плано Карпини и Рубрика, китайские исторические записи — пожалуй, и всё. Остальные сочинения монголов, которые исследователи относят к XIV–XVI вв., дошли до нас в основном в поздних списках или внутри текстов последующего времени, поэтому аутентичным материалом для наших изысканий служить не могут.

«Сокровенное сказание» [Козин, 1941] — удивительное произведение. Если говорить о его эпической и исторической природе, то оно являет собой повествование, в котором подвиги и деяния Чингис-хана описаны преимущественно без упоминания магических помощников и ссылок на благоволение высших сил. В книге вообще мало чудесного, всего в нескольких эпизодах речь идет о магических знаках, возвещающих то или иное событие. Знаменитый кровавый сгусток, зажатый в руке Чингис-хана при его рождении (§ 59), сон Дай-Сэчэна о сватовстве Тэмуджина к его дочери (§ 63); рассказ Хорчи о видении, которое заставило его уйти от Джамухи к Чингис-хану (§ 121); лай собаки, предвещавший гибель Ван-хана (§ 189), и, может быть, еще несколько эпизодов.

Путешественники XIII в. о приметах, т.е. знаках, для разгадывания которых не привлекаются профессиональные прорицатели, практически ничего не пишут. Однако они довольно многословны в рассказах о «жрецах», предсказывающих исход военных действий, болезни и проч. Как становится понятно из описаний, это были гадатели с широкими шаманскими функциями, призванные сноситься с верхним миром, разгадывать его «предписания» и влиять на его «решения». Таким образом, одной из задач этих шаманов было объяснение значения знаков, которые посылаются людям. Вот, что писал Гильом де Рубрук: «Они (прорицатели. — А. Ц.) указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всяких дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они [татары] давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого... Прорицателей зовут также, когда родится какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его; зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства» [Рубрук, 1997, с. 171–172].

Начиная с конца XVI в. монгольские письменные памятники, включая исторические и буддийские, наполняются ссылками на те или иные знаки, которые указывают на будущее или объясняют прошлое. Здесь даже нет нужды приводить примеры. Знакомые с монгольской литературой с легкостью вспомнят «дождь из цветов, пошедший при зачатии святого» или «затмение солнца перед тем или иным дурным событием», имеющие чаще

всего индо-тибетский и китайский генезис соответственно. К этому же времени относится появление, а затем широкое распространение отдельных сочинений на данную тему. Они очень разнородны. Вести какую-то строгую классификацию трудно, тем более что большинство текстов перемешаны с гаданиями, запретами, заговорами. И все же.

Первая группа текстов о приметах связана с поведением человека, птиц и животных, их видом или характером, а также с особенностями других природных объектов. Вторая и наиболее многочисленная группа относится к «народной» астрологии. Объяснение событий, исходя из года, месяца, дня и даже часа рождения героя, рекомендация совершать те или иные поступки с учетом дат — вот ее главное содержание. Очень часто эти приметы переплетены: например, трехрогий козел может родиться в день обезьяны, а может — и в день лошади...

Несмотря на то что в книгу включены сочинения, которые бытовали в народе и отражали обряды, практиковавшиеся в непрофессиональной среде, они так или иначе основываются на систематической астрологической традиции монголов (монг. *ᠵᠢᠭᠠᠢ*). Это сложная система, включающая традиционные математические, астрономические, календарные знания, преломившиеся в религиозной и магической оптике. Возможно, слово «система» выбрано не совсем удачно, так как астрологические представления монголов состоят из многочисленных гетерогенных слоев и наслоений, местами хаотично переплетенных.

Монгольские племена, как и все окружавшие их кочевники Центральной Азии, жили и вели свое хозяйство в соответствии с воззрениями о делении времени на повторяющиеся отрезки, зависимости последних от небесных светил и влиянии на судьбу человека. Например, 12-летний животный цикл, как считают многие, изобрели кочевники. Эти представления не были герметичными, монголы издавна поддерживали военные и торговые отношения с южным оседлым населением, соответственно, их мирозерцание подпитывалось и с этой стороны. Знакомство монголов с буддизмом началось довольно рано — в ходе тесных контактов с уйгурами, от которых они заимствовали, в частности, систему математических и календарных исчислений [Baumann, 2005, p. 34–35]. Начиная с XVI в. астрологические идеи буддизма интенсивно проникают в Монголию. Этому способствовало распространение церковных институтов по типу тибетских монастырей с различными дацанами-факультетами, в том числе с дацанами астрологов, готовившими профессиональных *дзурхайчинов*. Ламы практиковали буддийскую астрологию, но надо учитывать, что астрология тибетцев, опиравшаяся на учения Индии, вобрала в себя также, с одной стороны, элементы ближневосточной культуры, в первую очередь арабской, а с другой — с древнейших времен была связана с традициями китайцев. В то же время монголы продолжали контактировать с китайской культурой и сами, черпая оттуда календарные и другие идеи. С кем только они не контактировали в эпоху

монгольской династии Юань в Китае (XIII–XIV вв.) — не в последнюю очередь с народами мусульманского вероисповедания. Таким образом, в жизни и представлениях монголов переплелись все перечисленные традиции, несистематически и даже противоречиво.

Тибетское и монгольское монашество различает два главных направления в астрологии — «белое» (тиб. *dkar rtsi*), или вычисление по звездам (тиб. *skar rtsi*), и «черное» (тиб. *nag rtsi*). Эти названия коррелируют с наименованиями Индии — «Белая страна» (тиб. *rgya dkar*) и Китая — «Черная страна» (тиб. *rgya nag*). «Черная» (китайская) астрология имеет дополнительное значение доктрины, опирающейся на учение даосов — монголы называли их *бомпо*¹ или «черные» *бомпо* (монг. *qara bombo*)². Многие исследователи склоняются к мысли, что в повседневной практике тибетцев (а что уж говорить о монголах) превалировала китайская по происхождению астрология [Waddel, 1895, p. 451; Tucci, 1980, p. 172]. В период правления в Китае династии Цин (1644–1911) появилась так называемая «китайская желтая астрология» (совр. монг. *Нангиадын шар зурхай*), или даже «Чингисова желтая астрология» (совр. монг. *Чингисийн шар зурхай*). Здесь нет отсылки ни к буддийской церкви, с которой обычно ассоциируется желтый цвет, ни к Чингис-хану — эта система астрологических исчислений базируется на поздней китайской традиции и связана со стремлением маньчжурского императорского дома унифицировать астрологические системы всех подчиненных ему народов. Тибетские и монгольские астрологи упорно отказывались от нее, храня верность более старым формам.

Исходя из сказанного, становится понятно, что письменные памятники, отражающие все направления монгольской астрологии, далеки от единообразия. Наиболее многочисленны сочинения буддийских астрологов-*дзурхайчинов*. Среди знаменитых монгольских авторов, писавших на астрологические темы по-тибетски, — халхасец Ламын-гэгэн Лубсан-Дандзин-Джанцан (1639–1704), хошут Сумбэ-хамбо Ишбалджир (1704–1788), чахар Чахар-гэбши Лубсан-Чултим (1740–1810), «верхний»³ монгол Сэртог-гэгэн Лувсан-Чултим-Джамцо (1865–1915) и многие другие [Тэрбиш, 1997]. Это серьезная авторская литература, рассчитанная на профессиональные астрологические исчисления.

Очень большой пласт астрологических сочинений связан с китайской традицией, исключительно богатой и разнообразной. Большая часть текстов (по крайней мере те, что относятся к двум исследуемым коллекциям) входят в китайский альманах «Записи Нефритовой шкатулки» (кит. Юйса цзи), в котором собраны описания гаданий, примет, талисманов защиты жизни (преимущественно даосского происхождения). Об этом сборнике

¹ Варианты: *бомбо*, *бумба*, *бомпо*, *бунба* и т.д.

² Не путать с древней тибетской религией бон, приверженцев которой также называли *бомпо*.

³ Традиционный термин, обозначающий монголов Кукунора.

надо рассказать подробнее, так как его роль в распространении гадательных и прогностических практик китайского происхождения в Монголии огромна.

Свой современный вид сборник приобрел, по-видимому, к XV в. Известны версии сборника минского и цинского периодов; он не один раз издавался на китайском языке [Yin Zhang, 2018, p. 91–93]. Однако многие сочинения, которые входят в него, имеют древние корни, намного более давние, чем эпоха Мин или Цин. Сборник состоит из четырех частей; одна из них приписывается знаменитому буддийскому монаху Сюань цзану (602–664), совершившему путешествие в Индию и познакомившему китайцев со многими буддийскими идеями и трактатами Индии. Он известен у монголов под именем Тансан-лама⁴. Можно даже с осторожностью предположить, что именно сочинение Сюань цзана стало ядром, вокруг которого были организованы другие тексты. Во-первых, именно с него начинается первая тетрадь альманаха. Во-вторых, его название — «Драгоценная золотая шкатулка» — звучит как прообраз общего наименования. И в-третьих, в Монголии распространены отдельные рукописи сочинения Сюань цзана под заглавием, ставшим общим для всего альманаха: «Сутра под названием Драгоценная шкатулка» (монг. *Erdeni-yin qaγurčay neretü sudur orusi=ba*), например, текст MN 1367 из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна [Билгүүдэй, Отгонбаатар, Цендина, 2018, № 975].

История распространения этого альманаха в Монголии весьма запутанна. В Институте восточных рукописей РАН хранится монгольская рукопись под титулом «Гадательная книга», вывезенная П.К. Козловым из развалин тангутского города Хара-Хото и относящаяся, таким образом, к периоду не позднее XIII–XIV вв., когда город окончательно перестал существовать. Она представляет собой фрагмент «Нефритовой шкатулки» [Сизова, 2018], что говорит о раннем знакомстве монголов с этим сочинением в переводе.

В конце XIX — начале XX в. монголы пользовались тремя ксилографическими изданиями сборника: 1) тибетским — в форме *бодхи* под названием «Юйся цзи, заметки для памяти Нефритовая шкатулка» (тиб. *Yus shyā ky'i brjed tho g.yang ṭi'i za ma tog*); 2) монгольским — в форме *бодхи*: «Собранные заметки Нефритовая шкатулка» (монг. *Qas erdeni-yin qaγurčay kemegdekü toγ-a bičig orusiba*); 3) монгольским — в форме тетради под названием «Заново переведенное сочинение под названием Нефритовая шкатулка для разных нужд» (монг. *Šine orčiyuluγsan eldeb keregtü qaš qaγurčay neretü bičig*) — и бесчисленным числом рукописных извлечений из них.

Время создания и авторство тибетского перевода неизвестно. В «Толковом словаре буддийской культуры» указано, что было три его ксилогра-

⁴ От кит. Тан сэн «танский монах» и тиб. лама «учитель».

фических издания [Çoyim-a, 2003, p. 830]. Монгольский перевод, изданный в виде *бодхи*, по-видимому, появился прежде перевода, опубликованного в виде тетради. Размерами, формой и даже бумагой это издание очень похоже на тибетский ксилограф «Шкатулки». Кроме того, название монгольского перевода явно отсылает к тибетскому титулу, являясь его дословным переводом. На близость монгольского текста к тибетскому указывает и его колофон. Первая его часть дословно совпадает с колофоном тибетской книги: «При переводе “Записей Нефритовой шкатулки” тот, кто передавал слова, которые нужно поставить, [часто] не мог объяснить смысла, сам же я не владею китайским языком и не знаю китайского письма, поэтому в переводе слов допустил ошибки. Прошу знающих китайский и тибетский языки и письмо исправить их»⁵. Тибетский колофон на этом заканчивается (далее идет прибавленный трактат о *хулилах*), а монгольский дополнен предложением: «Написал это по-монгольски шаврун Минганского хошуна Галсан-Джигмэд. Пусть пребудет высшее учение!»⁶.

О монгольском издании В. Хайссиг писал: «...не датированная переработка китайской книги гаданий *Yü-hsia-chi*, *Qas erdeni-yin qayurçay kemegdekü toya biçig orusiba* (“Временник, называемый Нефритовая шкатулка”), выполненная неким *Šabrong galsang jigmed (bskal bzañ jigs med)* из племени Минган, сделавшим новый перевод, так как переводившие до него недостаточно хорошо владели китайским языком. Но и этот текст является скорее пересказом *Yü-hsia-chi*, чем точным переводом» [Heissig, 1954, S. 173]⁷. Действительно, датировать этот текст невозможно, так как в нем нет никаких указаний на время перевода монгольского текста. Единственное, что довольно ясно, — монгольский перевод был сделан с тибетского, несмотря на некоторые различия в тибетском и монгольском текстах ксилографических изданий.

Теперь о монгольском переводе, ксилографированном в виде тетради. Он отпечатан на тонкой китайской бумаге черной и красной краской. Печать китайская. В альманах перед началом первой тетради в качестве некоей преамбулы включены объяснения и рисунки оберегов, которые следует использовать при заболеваниях, начавшихся в те или иные дни месяца

⁵ Тиб. (163b) brjed tho g.yang ti'i za ma tog zhes pa 'di bsgyur dus rgyag yig klogs mkhan gyis don bkral nas bshad mi nus shing rang yang rgya skad la mi mkhas steng rgya yig yang mi shes pas ming 'dogs nor pa yod pas/ rgya bod kyi skad dang yi ge la mkhas pas bcos mdzad par zhu legs; монг. (125b) qas erdeni-yin qayurçay kemegdekü egün-i orçiyulaqui çay-tur kitad biçig-i ungsiyçi ber udq-yi tayilju ögülen ülü čidaqu böged: öber-iyen ber kitad ber kitad=un kele ese mergejigsen-ü degere kitad biçig čü ülü medekü-yin tula: ar-a qadaşan üge endegürejü bolqu-yin tula kitad töbed-ün üsüg-tür mergesegsed ber jasan jokiyaqu-yi ayiladqamui.

⁶ Монг. egün-i mongyol-iyar biçigçi mingyan qosiyun-u šabrunг galsangjigmed bolai:: degedü nom arbidun delgerejü övide orusuqi boltuai::

⁷ Из перевода немецкого ученого можно понять, что до этого монгольского перевода уже существовал какой-то некачественный перевод. Это не так. Слова о возможных ошибках из-за незнания китайского языка и неумения объяснить значения тех или иных китайских слов сказаны переводчиком тибетского текста.

(9 листов). Он не имеет титула, но в конце назван «Чудотворная сила оберегов, излечивающих болезни, [сочиненная] Чжан тян у» (монг. *Jang tiyan u-yin ebečin-i anayaqu sayig-un übadis*)⁸. Текст отпечатан с использованием красной краски, в отличие от всей тетради; он не объединен сквозной пагинацией, как все остальные сочинения альманаха. Это явно говорит о том, что он был позже прибавлен к этому изданию, основанному на сложившемся корпусе текстов. В заключении, перед руководством о том, как использовать обереги, сказано: «Несмотря на то что [сочинение], написанное Чжан тян у об оберегах, лечащих болезни в тот или иной день из 30, есть в китайском ксилографе “Шкатулки для разных нужд”, на монгольском языке оно не издавалось. Поэтому, подумав, что, если перевести его на монгольский язык, это может быть полезным для некоторых нуждающихся, я, Дармакирити из чахарского Шаньдуна, используя свое малое умение, нарисовал обереги, перевел на наш монгольский язык правила их использования и отдал для ксилографирования Баянмунху по фамилии Ба ун эл (?) из книжной лавки под названием Шин шин сэ хо халхасского гуна в Столичном городе <...> Благой 15-й день первого месяца зимы 21 года Бадаругулту-Туру»⁹. Из этого отрывка явствует, что данный ксилограф был исполнен в 1895 г., что согласуется с указаниями А.Г. Сазыкина, отметившего по крайней мере два ксилографических издания «Шкатулки» в виде тетради — 1895 и 1905 гг. [Сазыкин, 1988, № 1729, 1730].

В конце второй тетради монгольского ксилографического издания 1895 г. (л. 58b–59a) сказано: «Расскажу о причине перевода. В 19-м году Тур-Гэрэлту (1839) государства Дайцин Уйдзэн-шаврун, да-лама храма Буян-Ундуслугчи в хошуне Алашаньского чин-вана, приближенного ко двору, повелел: “Книга под названием Нефритовая шкатулка переведена только на тибетский язык, а на монгольский язык никогда не переводилась, поэтому наши монголы не могут ею пользоваться. В силу этих обстоятельств, если ты переведешь ее с китайского языка на монгольский, не будет ли это нужным, хоть немного, тем, кто хочет ее использовать?” Во исполнение данного поручения я, Гошига, нэйсэн-дзалан этого хошуна, (59a) в силу моих малых сил и ума закончил перевод китайского оригинала, объединил две тетради в одной связке и доверил печатание издательской фирме под названием Тянь чин ху пу, что находится рядом с храмом Сун чжу сэ в сто-

⁸ В Китае были такие издания. В частности, как сообщила мне А.А. Сизова, существовал сборник амулетов «张天师祛病符法» «Образцы амулетов, излечивающих болезни, [составленные] Чжан Тяньши». См.: <<http://book.kongfz.com/27312/984535006>>.

⁹ *Eldeb keregtü qas qayurčag-un doturaki jang tiyan syin jokiyal-un yučin edür-ün ebečin jasqu sayin ber: kitad üsüg-ün keb-tür bui böged: yerü mongyol üsüg-ber orčiyulun yarayadui tula: egün-i mongyol üsüg-iyer orčiyulun: aliba kereglgecid-tür tus bolqu bolbau kemen čaqar šangdu-yin darmakiriti ber möčid uqayan-u keriber sayig-ün duri-i jiruju tümen-ü yosun-i manu mongyol üsüg-iyer orčiyulayad neyislel qota-yin qalq-a güne-ü sing sin qo kemekü nom-un büsü u un el obyту bayanmөngke keb-tür seyilgegülbei ... badarayultu törü-yin qorin nigedüger on-u ebülün terigün sarayin arban tabun-a sayin edür.*

личном городе. Доски оставил на хранение там же. Прошу учителей и мудрецов исправить напечатанное темным глупцом»¹⁰.

Это послесловие порождает несколько вопросов. Первое. Послесловие переводчика составлено в традиции книжных колофонов и явно завершало труд Гошиги. Однако во многих экземплярах ксилографического издания «Шкатулки» на монгольском языке за ним следует большой трактат о гадании на пяти монетах. Судя по тому, что этот трактат не отражен в оглавлении в начале сборника и отсутствует в некоторых изданиях (например, в коллекции Ц. Дамдинсурэна), он был прибавлен издателями после получения перевода Гошиги.

Второе, что вызывает недоумение: получив наказ в 1839 г., Гошига удостоился издания только в 1895-м — в год первого известного ксилографического издания «Шкатулки» в форме тетради. На то, что издание именно в форме тетради, а не *бодхи*, недвусмысленно указывает сам Гошига в своем послесловии. Можно лишь предположить, что существовало более раннее издание перевода Гошиги, которое завершилось его послесловием, а затем, в 1895 и 1905 гг., оно было переиздано с прибавлением трактата о пяти монетах. На это косвенно указывает и послесловие к сочинению об оберегах, приведенное выше.

Третье. Гошига пишет, что до него перевода «Шкатулки» на монгольском языке не было. Собственно, именно это послужило основанием для алашаньского Уйдзэн-шавруна обратиться к нему с просьбой о переводе. Тогда почему он назвал свой текст «заново переведенным»? И как соотнести этот факт с существованием монгольского перевода и издания в форме *бодхи*? То, что это не один и тот же перевод, вполне очевидно. При сравнении с переводом Гошиги видны большие расхождения — и в составе, и в лексике. Однако монгольский перевод альманаха явно существовал ранее 1895 г., и могли ли алашаньцы не знать о нем? Он был ксилографирован в Китае, а Алашань, как и вся Внутренняя Монголия, в виду территориальной близости всегда пользовалась продуктами печатен Китая — Пекина и Долоннора, поэтому там и не было крупных центров книгопечатания, сравнимых с Ургой, например.

Четвертое. Предположение, что перевод, изданный в форме *бодхи*, был ксилографирован позднее тетрадей, тоже не является решением проблемы,

¹⁰ (58b) Orčiyluysan šiltayan-iyān ögülesügei: dayičing ulus-un törü gereltü-yin arban yisüdüger on-du šidar-tur yabuqu alašan-u čin vang-un qosiyun-u buyan ündüsülügči süm-e-yin da lam-a üidzeng šabrunḡ-tan ber qas qayurčay neretü bičig-i uy kitad bičig-eče yačakū tangyad üsüg-tür orčiyluysan bolbaču mongyol kelen-dü oytu orčiyluysan ügei tula: man-u mongyolčud kereglegküi-dür ese бүридчүкүи: eyimü-yin tulada: či egüni uy kitad bičig-eče mongyol üsüg-tür orčiylubasu kereglegči жарим-уд-тур өчүкөн туса болqu болbau kemen jakijū tušiyay=san-i dayaju mön qosiyun-u neigsen jalan küüsika (59a) neretü möküs oyun-u bira-bar uy kitad-un bičig-eče orčiylu tegüskeged qoyar debter üiledčü nigen duytui boluyad neyisiel qotun-a sung ju še süm-e-yin dergede бүкүи tiyan čing qu bu kemekü nom-un büüse-dür tišiyaju keb-tür seyilgeged keb-i mön kü tende tušiyaju qadayalayulbai:: balar mungqay oyun-bar: барулаysan egüni: байši olan mergečid: basa јasan soyurq-a:

так как трудно представить, чтобы издание, так широко распространенное в Монголии, не было известно в хошуне Минган.

Пятое. Путаницу усиливают замечания европейских исследователей. В. Хайссиг понял послесловие к «Заново переведенной Нефритовой шкатулке» так, будто Алашаньский да-лама Уйдзэн-шаврун сам перевел «Нефритовую шкатулку» с китайского на тибетский в 1839 г., а затем обратился к Гошиге, чтобы тот перевел его на монгольский [Heissig, 1954, S. 173]. Это повторяет американский исследователь Б.Г. Бауман [Baumann, 2005, p. 42], а с его слов — Б. Митруев [Митруев, 2019, с. 754]. Однако текст колофона недвусмысленно указывает на то, что да-лама ничего сам не переводил, а лишь обратился с просьбой о переводе к Гошиге. Кроме того, Б.Г. Бауман, ссылаясь на работу Д. Мөнх-Очира [Мөнх-Очир, 2000, с. 90], утверждает, что первый перевод «Нефритовой шкатулки» на монгольский язык был сделан Ламын-гэгэном Лубсан-Дандзин-Джанцаном в 1686 г. в Их-Хурэ [Baumann, 2005, p. 4]. Ламын-гэгэн действительно известен как большой знаток астрологии (см., например, [Dugar, 2003, p. 76–77]), но следов этого перевода мне найти не удалось. В биографии Ламын-гэгэна Лубсан-Дандзин-Джанцана, составленной Зая-пандитой Лубсан-Принлэем, сказано, что «в год тигра (1686) на Цаган-сар Ламын-гэгэн прибыл в Их-Хурэ, собрал большое число переводчиков и возглавил перевод на монгольский язык словаря “Шкатулка написаний”» [Ламын гэгээн, 1998, с. 17]. Это известный трактат по тибетской орфографии (тиб. *Dag yig za ma tog*, монг. *Dagyig samdoу*) Шалу-лоцавы Чойджон-Санпо, жившего в 1441–1527 гг. Возможно, исследователей смутило слово «шкатулка» (тиб. *za ma tog*) в названиях обоих сочинений, и они приписали перевод «Нефритовой шкатулки» знаменитому монгольскому религиозному деятелю.

Наконец, надо сказать о том, что среди монгольского населения вплоть до последнего времени была распространена традиция дополнять, переписывать и создавать свои «личные» версии этого альманаха. Так, рукописный вариант сборника под названием «Драгоценная нефритовая шкатулка» был издан во Внутренней Монголии в Ляонине в 1993 г. Составитель Сампилноров в предисловии назвал себя гадателем и указал, что использовал для издания манускрипт, состоящий из четырех тетрадей [Sampilnorbu, 1993, p. 1]. Состав альманаха отличается от других версий памятника — «Драгоценной нефритовой шкатулки» и «Заново переведенной Нефритовой шкатулки». Поэтому можно предположить, что это один из вариантов, созданных в ходе распространения первоначального источника. Упомянутый альманах был переиздан во Внутренней Монголии частным образом, без выходных данных и имени составителя, что говорит о востребованности книги и в настоящее время.

Итак, резюмируя известные на сегодняшний день сведения о монгольском переводе «Шкатулки», изданной в Китае в форме тетради, можно сказать следующее. Он был сделан неким Гошигой по просьбе

Уйдзэн-шавруна, да-ламы Алашаньского монастыря, в 1839 г. и, по-видимому, издан. В 1895 и 1905 гг. он был переиздан с прибавлением новых трактатов.

В разных книжных хранилищах имеется множество рукописных списков отдельных сочинений из этого альманаха на тибетском и монгольском языках. Во-первых, это рукописи тибетских переводов. Во-вторых, рукописи монгольского перевода с тибетского ксилографического издания. В-третьих, списки, сделанные с «Заново переведенной Нефритовой шкатулки», т.е. с китайского оригинала. И в-четвертых, это отдельные списки поздних переработок.

1.1. Приметы

1.1.1. Приметы по крику и поведению птиц

Несколько текстов из двух коллекций посвящены приметам, связанным с птицами: предсказаниям по поведению птиц, их полету, крику и по времени суток, в которое раздается крик.

В монгольском бытовом сознании многие птицы имеют мифопоэтические коннотации. Например, коршуны (*элиэ*) — слуги владыки ада Эрлик-хана, ласточки — предвестники добра, кукушки и совы — вестники смерти. Вот, например, несколько примет, бытующих в Ордосе¹¹. Если около юрты кричит сова, филин или сорокопуд, голоса которых резки и неприятны, то это к смерти, и люди стараются прогнать их. Если дети разобьют птичьи яйца, они могут стать конопатыми, как сами яйца. Если ласточка совет гнездо, в котором будут отверстия, *айлу*, где она живет, будет плохо. Если большинство ее птенцов не выживут, значит, приплод в следующем году в стаде этого *айла* будет плохим. Если ласточка залетит в дом, это хорошо, но, если в этом доме проживает старый человек, плохо, он в этом году умрет. Куда повернуто отверстие гнезда сороки, та сторона в этом году будет счастливой.

В монгольских текстах, посвященных предсказаниям будущего по крику птиц, фигурируют преимущественно вороны и сороки, что объясняется символикой этих птиц в монгольской традиции. Коннотации, связанные с их тотемными функциями или негативными характеристиками (ворон — слуга черных сил, сорока — болтливый лжец и проч.), здесь не являются доминирующими. Вороны и сороки — символы мудрости и магической силы. Соответственно, главная черта этих птиц в монгольских сочинениях — тайное знание и вестничество. Такие представления чрезвычайно близки к

¹¹ Сообщила Наранзандан, аспирантка Пекинского университета национальностей, уроженка Ордоса.

символике этих птиц в индо-тибетской и китайской культурных традициях. Можно даже предположить, что приметы, связанные с вороном и сорокой в письменных памятниках монголов, — в значительной степени результат иноязычного влияния. Ведь некоторые фрагменты сочинений прямо отсылают к индийским или китайским источникам.

1.1.1.а. Приметы по поведению ворона

Первое сочинение, о котором здесь пойдет речь, это текст о приметах по поведению ворона из коллекции Р. Отгонбаатара. Он не имеет титула и входит в альманах книг о гадании и приметах на монгольском и тибетском языках. Альманах также не имеет титула и представляет собой листы в форме *бодхи*, сшитые в тетрадь по верхней горизонтальной стороне. Судя по печатям на титульном и концевом листах и по оглавлению, он принадлежал *хутухте* монастыря в Арвайхэрэ Цэвэл-Ванчиг-Дорджу (1835–1894). Сочинение занимает 3 листа русской бумаги (л. 40а–42b), исписанные черной тушью, каламом (размер 7,6 × 20,5 см).

Многие тексты из этого собрания являются переводами с тибетского языка. Рукопись о вороне также носит черты перевода: в нее включены *дхарани* (*dzere me me sova ha-a*, 40а), использованы знаки транслитерации *галиг* для передачи иностранных слов (*dzeng dzeng* и др., 40а), она содержит некоторые лексические и стилистические черты, не характерные для монгольского языка (*qudal-ača qaγačaysan sinjilel anu*, 40а; *öber-tür oyir-a ireküi duralan*, 40b; *segsüčin üiledbesü*, 40b; *dayisun-iyar ebdekü*, 41а). На тибетский источник указывает и то, что сочинение сутры о предсказаниях по крику ворона приписывается буддийскому проповеднику Падмасамбхаве [Сазыкин, 1988, № 1947] или бодхисаттве Манджушри [Там же, № 1944, 1945]. Тибетские корни сочинения подтверждает и исследование немецкого китайиста Б. Лауфера [Laufer, 1914]. Он проанализировал тибетский текст о гадании по поведению ворона, привезенный П. Пеллио из Дуньхуана, сосредоточившись на лингвистических особенностях. Б. Лауфер отнес составление текста к IX в. и указал на его санскритский оригинал — «Кракаджарити» (VI–VII вв.), описанный ранее А. Шифнером [Schiefner, 1863]. Примечательно, что тибетский перевод индийского сочинения, входящий в тибетский Данджур, ближе к нашему тексту, чем тибетский текст из Дуньхуана, что наглядно видно из табл. 1.

На популярность сочинения о приметах по крику ворона указывает наличие большого числа его списков в разных книжных собраниях. На основании анализа доступных мне трех рукописей я не могу выделить какие-то версии или варианты сочинения. Но большие расхождения в их содержании уже подтверждают его популярность. В качестве доказательства приведу сопоставление маленького фрагмента из трех разных рукописей (см. табл. 2).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru